

‘ЧЕРТ’ В СЕМИОСФЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИИ (КОМПАРАТИВНЫЙ РАКУРС: ЧЕШСКИЙ VS. БЕЛАРУССКИЙ ЯЗЫКИ)¹

Inna KALITA²

ÖZET

Статья посвящена анализу фразеологизмов с компонентом 'черт'. Рассматривается образ черта и его восприятие в картинах мира двух славянских народов: чехов и белорусов. Чешские глагольные фразеологизмы с союзом *jako* отождествляют человека с чертом, давая два вида оценки – преобладает отрицательная, но встречается и положительная. Кроме оценочной функции, фразеологизмы со словом 'devil' в белорусском языке выполняют функции обращений и междометий. При сопоставлении тематических фразеологизмов двух языков обнаруживается малое количество эквивалентов. Фольклорные и этнографические источники дополняют национальное «фразеологическое мировоззрение» и указывают на различное восприятие образа черта: в Беларуси превалирует отрицательная оценка, в Чехии наблюдается снисходительное отношение к этому образу, и нередко – позитивное восприятие.

¹Буква в написании прилагательного *беларуский* (и единицах, образованных от *Беларусь*) используется сознательно, целью обратить внимание (прежде всего лингвистов) на неоднократно поднимаемый вопрос, уже более 20 лет относящийся к разряду нерешённых. Жители постсоветских стран расценивают советские названия своих стран как устаревшие. После распада СССР бывшая БССР (Белоруссия) приняла официальное название – Республика Беларусь. Образовательный портал Грамота.ру в качестве первого варианта приводит устаревшую форму – Белоруссия, -и (Республика Беларусь) и прилагательное *белорусский*. Написание буквы “о” в названиях представителей нации, как и написание прилагательного *белорусский* с “о” логично не увязывается с современным официальным названием страны – Беларусь. В современном контексте устаревшие названия – Белоруссия, Byelorrussia, Bielorrussie, Weissrussland, отражающие концептосферу советской эпохи и колониальный дискурс, звучат незачётно. В официальной документации ООН (<http://documents.un.org/mother.asp>), представляющей документы на нескольких рабочих языках, с учётом постсоветских изменений, используются варианты: англ. – Belarus, Republic of Belarus, Belarusian history, The Belarusian Constitution; испанск. Belarús, República de Belarús; фр. – Bélarus, République du Bélarus.

² Ph.D., Department of Bohemistic Studies, Jan Evangelista Purkyně University, Ústí nad Labem, Czech Republic. [inna.kalita\(at\)ujep.cz](mailto:inna.kalita(at)ujep.cz)
Project supported by grant within student grant competition at UJEP – Jan Evangelista Purkyně University in Ústí nad Labem.

Ключевые слова: фразеология, компаративный ракурс, чешский, белорусский, фразеологические единицы (ФЕ) со словом "черт"

Kalita, Inna. "Черт' В Семииосфере Фразеологии (Компаративный Ракурс: Чешский Vs. Беларусский Языки)". *idil* 5.22 (2016): 749-774.

Kalita, I. (2016). Черт' В Семииосфере Фразеологии (Компаративный Ракурс: Чешский Vs. Беларусский Языки). *idil*, 5 (22), s.749-774.

'DEVIL' IN THE SEMIOTIC SPHERE OF PHRASEOLOGY

(NOTES ON A COMPARATIVE STUDY OF THE CZECH AND BELARUSIAN LANGUAGES)

ABSTRACT

The article is dealing with analysis of phrasemes with component '*devil*'. It is comparing the image of devil and his perception in two Slavic traditions Czech and Belarusian. Czech verbal idioms with conjunction *jako* are identifying a person with the devil and also offer two types of evaluation – negative prevails, but there are even positive. Beside the evaluating function, in Belarusian language the idioms with word '*devil*' fulfill function of addressing somebody and interjection. In comparison of thematic phrasemes in two Slavic languages we can find very low number of equivalents. Folklore and ethnographic sources are creating national “phraseological view of the world” and they are also the proof of different perceptions of the image of the devil: in contemporary Belarusian culture prevails negative evaluation of this mythical creature, in Czech environment the view of the devil is lenient, in Czech fairytales we can find even positive perception of the devil.

Keywords: phraseology, comparative view, Czech, Belarusian, phraseological units with the word '*devil*'

Введение

Данная статья развивает традицию изучения компаративной фразеологии. Совмещая подходы компаративистики и лингвокультурологии, рассматривает слово черт в составе фразеологизмов белорусского и чешского языков. Целью статьи является рассмотрение фразеологических единиц (ФЕ) двух названных славянских языков, выделение наиболее характерных ФЕ для каждой языковой традиции; анализ восприятия образа черта в национальных картинах мира посредством фразеологии.

Изучение данной темы проводится на основе наиболее полных современных белорусских и чешских лексикографических трудов – больших фразеологических словарей: «Slovník české frazeologie a idiomatiky» (Čermák, F., Hronek, J., Machač, J.: 1982-1983) и «Слоўнік фразеалагізмаў» (Лепешаў, 2008). Лингвокультурологический комментарий базируется на трудах фольклористов XIX – начала XX вв. (Богданович, 1895; Никифоровский, 1907; J. Kutilek, 1911), исследовании реликтов язычества в Беларуси (Ляўкоў, 1992), а также анализе образа черта в национальном фольклоре.

1. Фразеологические единицы с компонентом черт

Компонент черт в составе фразеологизмов используется для характеристики человека, в составе глагольных ФЕ – для обозначения его действий, а также в качестве обращений и в роли междометий.

В обоих языках встречаем около 100 ФЕ с компонентом чорт, как правило, они обладают яркой оценочностью. Многие из них широко используются сегодня в художественной литературе и СМИ.

Teatrální likvidace Čanga byla exemplárním signálem, akceleraci obměny staré gardy i snahou snížit čínský vliv, kterého se v Pchjongjangu dávno **bojí jako čert kříže**. (Lidové noviny, 19. 12. 2013) (НКЧЯ s.id: ln131219:44:10:7).

Lid je natolik nechápavý, že se do obrany základů demokratického systému aktivně musel znovu zapojit také Ústav pro studium totalitních režimů. Na tapetě jsou nyní oblíbené seriály z let husákovské normalizace, které televize – **aby tu svobodu čert vzal!** – ostošest reprizují. A na které prý zvláště mladí diváci – vysvětlil ústavní historik Petr Kopal – „můžou pohlížet jako na jakési idylické pohádky“. (Právo, 24. 9. 2011) (НКЧЯ s.id: pr110924:31:10:2).

Сапраўды, прэлюдыя ўжо закончылася і пачалося самае яркае – праклёны. Першая кабета, з бародаўкаю на шчацэ, гучна заявіла: “Каб твае дзеці на ліхтар гаўкалі”. Другая пісклявым голасам у адказ: “Каб ты на лямпачку глядзела, як на сліву...”. Я хуценька дастаў блакнот і толькі паспяваў запісваць: “Каб у тваіх свіней рогі павырасталі”, “Каб цябе рак убрыкнуў”, “Каб цябе ў лыжцы ўтапілі”, “Каб з цябе вантробы вытрыбушыла”, “Каб з цябе чэрці вяроўкі вілі”, “Каб у цябе калом язык стаў”, “Каб табе на тым

свече дна не было”, “Каб ты на беразе ўтапілася”, “Каб цябе пярун калядны спаліў”, “Каб цябе сонца не грэла”, “Каб цябе ў чыстым полі дзверы прысінулі”, “Каб ты да гэтых веснічак прырасла”, “Каб...”. О, яшчэ многа было гэтых “каб”... (Чыгрын, 2016).

1.1 Чешские ФЕ с компонентом *čert*

Среди чешских неглагольных ФЕ со словом *čert* преобладает конструкция: глагол + *jako čert*. К распространенным относится конструкция *být* + прилагательное + *jako čert*. Прилагательное в этом случае дает характеристику – сравнение человека с чертом.

Být černý jako čert (характеристика внешнего вида человека: темная кожа, черные волосы);

být chytrý/mazaný jako čert (син.: *být chytrý jako stádo* (v)opic, je po čertech mazaný, je všemí mastní mazaný) – (о поведении мужчины и женщины) – ‘использовать все в свою пользу’, ‘знать все ходы и выходы’;

(být) lakomý jako čert (син.: *být lakomý jako chrt, pro krejcar/korunu by si dal vrtat koleno*) – (обычно о старшем человеке, о его отношении к знакомым, коллегам и т.д.) – ‘быть жадным’;

(být) mlsný jako čert (син.: *být mlsný jako koza*) – (о взрослых и детях) – 1. о разбалованных людях; 2. ‘пренебрегать простой едой, быть переборчивым’;

být ošklivý / šeredný / škaredý jako čert (син.: *být ošklivý / šeredný / škaredý jako opice*) – ‘некрасивый’;

být pyšný jako čert (син.: *být pyšný jako páv*) – ‘хвастливый’;

(být) vzteklý jako čert (син.: *být jako d'ábel, být jako d'áblemposedlý, berouhovšichni čerti*) – (обычно поведении мужчин, характерных реакциях) – ‘человек неприятный, злой’, ‘человек, имеющий взрывной характер’.

Для чешской фразеологии характерны сравнения и в других типах ФЕ с компонентом *čert*. Их можно разделить на несколько семантических групп. Прежде всего это большая группа ФЕ, характеризующая человека, а также немногочисленные «безличные» ФЕ, не относящиеся к человеку.

ФЕ с компонентом *čert* характеризуют человека, его поведение и эмоции:

Jet/jezdit/hnát se/běžet jako čert (син.: *hnát se jako drak; běží, až se mu za patama kouří*) – ехать, бежать (иногда чересчур) быстро, отважно – очертя / сломя голову.

Koukat / mračit se / tvářit se jako čert / jako sedm / devět / sto čertů (син.: *dívat se, tvářit se, koukat jako vrah*) – ‘выглядеть злым, неприятным’, ‘быть угрюмым, сердитым’.

***řádit jako čert* – о человеке, поведение которого непредсказуемо:**

1. (син.: 1. *rozzuřený, řádit jako černá ruka, dělat dílo / tanec*) – (о поведении человека – ответ на мошенничество, неповиновение); ‘быть очень злым’; ‘громко и грубо выговаривать’; ‘угрожать’; ‘стукнуть дверью’ и т.д.

2. (син.: 2. *divoký, být jako z divokých vajec, udělat z něčeho kůlničku na dříví*) – (ребенок при играх); ‘вести себя слишком шумно’.

Smrdět jako čert / ďábel (син.: *smrdět jako psí kšíry/rasův pytel*) – (грязный, долго невымытый, неопрятный человек; животное или человек, страдающий от метеоризма; заядлый курильщик; иногда – об органическом веществе; – ‘кто-то или что-то, издающее интенсивный неприятный запах’.

Vyletět odněkud jako čert (z pekla) (син.: *vyletět odněkud jako střela, vypadnout jako cukrář*) – (о человеке или животном (откуда либо выбежать) из страха, стыда или гнева, и т.д.; ‘резкий, дикий порыв’; ‘быстрые реакции или недостойное поведение’.

(2) Среди «безличных» интересен фразеологизм *klouže to jako čert* (так говорят о намерзлой поверхности дороги / тротуара и др., гладкой поверхности, на которой легко поскользнуться). Указывая на мокрую поверхность (или замерзшую на ней воду) данная ФЕ входит в синонимичный ряд с фразеологизмами, «уточняющими» семантику (мыло, как намылено): *klouže to/jede to jako po mejdle, je to jako když to namydli*.

В чешском языке ФЕ с компонентом *jako čert* отражают как негативную, так и положительную оценку. Положительно маркированы ФЕ, касающиеся подхода к работе, например, *být do práce jako čert*, или *dělat jako čtyři* (положительная характеристика человека, иногда лишь моментальное состояние, фиксирующее рабочий энтузиазм; усердно работать, быстро,

эффективно, без отдыха; трудится с удовольствием; делать работу добросовестно). Синонимами к вышеназванной ФЕ является не менее маркированная единица *být do práce jako kat* и *dělá, až se z něj kouří* – эквивалентная белорусской *працуе, аж пыл курыць*.

1.2 Белорусские ФЕ с компонентом *чорт*

В белорусском языке к чешским конструкциям с союзом *jako* тяжело найти эквиваленты. Сама конструкция глагол + *jako čert*, широко представленная в чешской фразеологии, для белорусской малохарактерна. Союзные словосочетания типа *баяцца як чорт ладану* немногочисленны. Фамильярные обращения *чорт лазаты*, *чорт паласаты*, относящиеся к ФЕ, буквально отождествляют человека с чертом, прилагательные *лазаты*, *паласаты* относятся к частотным во фразеологических обращениях. К частотным прилагательным, входящим в состав ФЕ, относятся *лысы*, *старэйшы*/старшы. Чый чорт старэйшы (старшы)? – обозначает чью-то победу, лидирующую позицию. ФЕ *чорта лысага* – значит ‘кого угодно’, ‘все равно кого’.

Што нам, скульптарам, хіба цяжка зляпіць карову? Мы ўсё можам. Кошты на майстэрні такія, што нашы скульптары гатовыя на ўсё: Леніна, Сталіна, чорта лысага, абы грошы плацілі. Адно, як падаць руку такому калегу, які ляпіў чорта лысага? Ці можа, гэтае пытанне не павінна турбаваць сяброў творчага Саюзу мастакоў Беларусі? (Лойка, 2015).

Условно ФЕ с компонентом *чорт* можно разделять на семантические ряды, назовем лишь некоторые из них.

Выражение тесной связи / отношений:

звязаў чорт вярэвочкай (каго) (син.: *вадой не разальеш каго; не разлівада (з кім)*) – двойственность в оценке отношений дружбы, любви – не разлей вода.

Обозначение трудноразрешимой задачи:

сам чорт не разбярэ, <сам> чорт (д’ябал) галаву скруціць (зломіць) <дзе, у чым>; <сам> чорт нагу (ногі) зломіць (паломіць) <дзе, у чым> – сам чёрт не разберёт (не поймёт); черт ногу сломает.

Выражение недовольства:

чорт носіць (насіў) (каго?, дзе?); чэрціносяць (насілі) (син.: каланіца носіць; ліха носіць; нялёгая носіць; нячыстая сіла носіць; нячысцік носіць; халера носіць; хвароба носіць; чэрці душаць) – черт / леший / бес / нелегая носит; черти носят.

(Куды?, адкуль?) чорт нясе (каго?) (син.: бог нясе; бура нясе; вецер нясе; ліха нясе; нячысцік гоніць) – куда его черт несет!

Обозначение местонахождения:

у чорта на кулічках (син.: блізка свет; за дзесятай гарой; за светам; за трыдзецяць зямель; на край свету; у віру на калу; у чортавых зубах; у чорта на рагах; у чорта ў зубах) – очень далеко; в отдаленных, глухих местах.

Выражение неодобренной оценки чьих-то действий:

чорт панёс (каго? куды?) (син.: нялёгая панесла) – отправиться куда-то не вовремя;

чорт пацягнуў за язык каго – сказать не к месту.

Выражение чувства страха:

баяцца як (бы) чорт крыжа (син.: як агню; як чорт ладану) – боится, как чёрт ладана.

Обозначение верхней границы каких-либо качеств / действий:

да чорцікаў (син.: да парасячага піску; у дрызіну; у дым (1 знач.); у дыміну; як гразь; як зямля; як свіння) – 'в высшей степени', до чертиков.

Обозначение нижней границы каких-либо качеств / действий:

ні к чорту (син.: адны слёзы; глядзець няма на што; з рук вон (2 знач.); кату пад хвост (2 знач.); кульгаць на абедзве нагі (3 знач.); курам на смех (1 знач.); на ліхога казана; не вытрымлівае ніякай крытыкі; не лезе ні ў якія вароты; нікуды не варты; ні к чорту не варты; ні самому паглядзець ні людзям паказаць; пусці навалюся (1 знач.); смеху варты – недостаточный, никуда не годный.

Переход границы общепринятых норм:

наслаць к чорту(каго?) – послать к черту;

чорту рогі скруціць – черту роги открутить;

чорту ў зубы трапіць / сунуцца– попасть в рискованную ситуацию.

Усиление отрицания:

чорта (д'ябла) лысага!

1. (син.: *знайшоў дурня; нічога падобнага; няма дурных* (1 знач.); *скулу ў бок каму; трымай кішэнь шырэй; чорта з два* (1 знач.); *як бы не так* – не бывать этому.

2. *ні пры якіх абставінах не* (возьмеш / выседзіш) (син.: *чорта з два*) – *черта с два*.

Выражение различных эмоциональных состояний и оценок:

што за чорт! Междометие. Возглас неудовольствия, удивления, непонимания– черт возьми!

Якога чорта (д'ябла)! Возмущение действиями, поведением кого-либо. – 1. Почему, для чего, с какой целью (делает кто-н. что-н). Рус.: к черту; на хрена; на кой ляд; на кой хрен; какого хрена.

2. Межъязыковые соотношения

Рассматривая чешские и белорусские фразеологизмы со словом черт, наблюдаем естественные отличия, маркирующие ментальное восприятие двух народов. ФЕ, в состав которых входит прилагательное, не имеют межъязыковых эквивалентов (см. таблицу №1). Однако в глагольных фразеологизмах находим эквиваленты, хотя они совсемнемногочисленны (см. таблицу №2).

Таблица №1

ЧОРТ ³	ЇЕРТ
лазаты	-
лысы	-
паласаты	-
Старэйшы/стари ы	-
	<i>černý (jako)</i>
	<i>hořký (jako)</i>
	<i>chytrý/mazaný (jako)</i>
	<i>lakomý (jako)</i> -
	<i>mlsný (jako)</i>
	<i>ošklivý/šeredný/škaredý(jak o)</i> -

³Обозначения, использованные в таблице:

+ положительная оценка;

- отрицательная оценка;

* межъязыковые эквиваленты

	<i>pyšný (jako)</i>
	<i>vzteklý(jako)</i>

Таблица №2

ЧОРТ	ČERT
выскачыць / з’явіцца як чорт з табакеркі	vyskočit jako čert/čertík ze škatulky
‘быстро и неожиданно’	
син.: <i>выскачыць як піліп з канпель</i>	син.: <i>vyskočil jako když ho píchne/bodne</i>
<i>чорт з ведзьмай жэніцца (жэніўся)</i>	<i>je (to) tam jako když se (všichni) čerti žení</i>
о плохой погоде, сильной грозе, ветре, выюге, буране	

син.: <i>чэрці вяселе</i> <i>спраўляюць;</i> <i>чэрці жэняцца</i>	син.: (všichni) <i>čerti se tam žení;</i> <i>je tam psí počasí</i>
<i>баяцца як чорткрыжа</i>	<i>bát něčeho/někoho jako čert kříže</i>
бояться кого-то / чего-то очень сильно, переживать панический страх	
син.: <i>баяцца як агню;</i> <i>баяцца як чорт ладану</i>	син.: <i>jako čert svěcené vody,</i> <i>bát se někoho/něčeho jako čerta</i>
<i>наслаць / наслаць к чорту</i> <i>(к д'яблу)</i>	<i>posílat / poslat k čertu/</i> <i>ke všem čertům (a d'áblům)/</i> <i>do horoucích pekel</i>

послать кого-то к черту

3. Лингвокультурологические заметки к образу черта – общая характеристика

Обычно черта представляют как человекоподобное существо, напоминающее сатира, с рожками и копытами, козлиной бородой, покрытое шерстью. Его часто отождествляют с дьяволом, т.е. мы имеем дело с образом негативным. Анализ фразеологических единиц двух языков показывает, что при подобном внешнем облике черта, зафиксированном коллективным сознанием двух славянских народов, этическая оценка данного образа в обеих культурах со временем подвергается переосмыслению.

3.1 Образ черта в белорусской картине мира

В белорусской демонологии образу черта (*чорт, нячысцік*) отводится значительное место, его считают хозяином подземного мира, известна и его роль в сотворении мира.

В начале вода покрывала землю. Бог приказал черту нырнуть на дно и достать оттуда горсть земли. Черт спустился на дно и захватил горсть земли, но не всю землю отдал Богу, а спрятал часть во рту. Бог взял в руки горсть земли, благословил ее и бросил на воды, – и земля стала расти, расширяться, покрывать воду гладким и ровным, как ток, слоем. Но стала расти и та земля, что была у черта во рту, стала раздражать ему рот. Черт, корчась от боли, стал кататься по земле и выплевывать изо рта землю. Долго он катался так и плевал. Оттого поверхность земли стала гористой, и земля местами отравилась чертовой слюной. Поэтому, когда Бог, готовя земля для человека, посеял жито (рожь), пшеницу, ячмень, просо, яблони, груши, и целебные травы, то местами выросли пырей, “кастер”, лебеда, блекот (белена), застырь (терновник) и все другие вредные растения. <...> Слепил Бог из глины человека, дохнул на него и человек зашевелился, ожил. Черт все это видел. Он улучил минуту, когда человек спал, дохнул на него, – и вселился в человека также и злой дух, и человек получил склонность ко злу. (Богданович, 1895: 132 / Записано в Холопеничи, Борисовского уезда).

Между чертом и человеком существуют “проводники” – люди, вступающие в связь с нечистой силой: колдуны и знахари, ведьмы – бел. *чараўнікі, варажбіты, ведзьмакі / вядзьмаркі, ваўкалакі* (во фразеологии: *знацца з нячысцікам, чортаў(вы) сваяк(і), чорту душу прадаць*).

3.1.1 Внешний вид черта

Предание говорит, что черти жили на небе. Они часто ссорились с ангелами, за это их сбросили на землю. Их падение было подобно черной туче или облаку густого снега. Маленькие черти отделились синяками, большие – поломали ноги и набили себе горбы. Поэтому в белорусской мифологии черт часто бывает горбатым, покалеченным, в особенности это относится к старшим “чинам” – чертям “большого калибра”.

А. Богданович отмечал: “черти бывают большого и меньшего калибра, но величественного образа сатаны, как он рисуется воображению поэтов, народ не знает: белорусский черт вообще мелкотравчатый” (Богданович, 1895: 129). Несмотря на существующую в “семействе” чертей иерархию, “честности в их среде нет и в помине, напротив, подчиненные всячески норовят обмануть начальников, увильнут от заданной работы, особенно если она тяжела и неприятна, и избежать наказания” (Богданович, 1895: 130).

3.1.2 Как зовут черта?

Русскому слову черт в белорусском языке соответствуют два слова – *нячысцік* и *чорт*. Главного черта часто называют *Анцыпар*, используется и более приближенный к белорусскому имени вариант *Нячыпар* (рус. Никифор) – народная этимология имени Люцифер.

3.1.3 Местонахождение

Черт живет (1) в болотах (*абы балота, то і чорт будзе*), (2) под большими камнями (бел.: *чортавы камяні, камяні-краўцы, камяні-шаўцы*).

Представления древних белорусов о строении земного шара основывались на образах и природных доминантах родной земли: верхний слой – земля – своеобразная корка, покрытие; под ним находится следующий слой – вода, в воде – пекло (неприступная трясина, где живет старший черт, и оттуда посылает своих подданных-чертей для искушения людей и наказания ленивых). Ямы на болотах и лугах предки белорусов считали *вокнамі на той свет*, в царство чертей, поэтому поименовали их *чортавымі вокнамі*. Бросать камни в эти ямы считалось опасным занятием – это привлекало к человеку внимание

нечистой силы (*наклікаць нячысціка*). В противовес чертовым окнам в Беларуси существуют *живые ключи* (*крыніцы з жывой вадой*).

Во время сильной грозы черт старается избежать гнева Перуна и прячется среди безгрешных людей, поэтому молния-стрела может попасть в невинного человека. Во время грозы черти также прячутся под деревьями, поэтому белорусские поверья предостерегают человека и запрещают прятаться во время грозы под деревом; чтобы стрела Перуна, направленная в черта, не попала случайно в человека. При сильном громе нужно креститься, чтобы отогнать от себя черта.

3.1.4 Время

Черт любит появляться ночью, в полночь, и как любая нечистая сила, должен исчезнуть до крика первого петуха.

3.1.5 Физические характеристики

Черт чрезвычайно активное существо, образ чрезвычайно подвижный, он умеет летать, обладает способностью неожиданно исчезать и появляться, менять свою внешность (превращаться), переносить предметы и свойства (*чорт даў – чорт узяў*). Черт производит различные действия, в основном с человеком: знает, дает, верит, гонит / гоняет, носит, берет / не берет, связывает, женится, колышет (детей), молотит (горох).

Глагольные ФЕ с компонентом *черт* отражают значение действия, производимого чертом, и направленного, или наоборот, ненаправленного на человека: *чорт гоніць (прыгнаў) каго; чэрці гоняць (прыгнали) каго*. Так говорят о пришедшем не вовремя, высказывают недовольство в связи приходом нежданного гостя (син.: *ліха (яго) гоніць (каго); ліха нясе; нялёгкая гоніць; нялёгкая нясе; нячыстая <сіла> гоніць; нячыстая <сіла> нясе; нячысцік нясе; трасца нясе; халера нясе; чорт нясе*. Из приведенных примеров видно, что компонент *черт* может замещаться словами *ліха, нялёгкая<сіла>, нячыстая<сіла>, нячысцік, трасца, халера*.

Отрицание интереса к человеку со стороны черта передает ФЕ *ніякі чорт не бярэ / не возьме (каго)*. Произносить имя черта у древних белорусов считалось плохой приметой.

Бедняги по скорбному опыту знали, что „бес легок на помине“, не заставит призывать себя вторично, и что „с чертом – не со своим братом“, а потому всемерно обходили даже думу о нем („задумал мужик брагу варить, а уже

черт с чаркой стоит“, – помнилось им), отрекивались и отплевывались при чужом или собственном помине чертовского имени, при выслушивании повести о бесовстве, а при крупной необходимости чертыхнуть, взамен подлинных бесовских имен, употребляли иносказания: „ёнъ, той-самый, етый-што, поганик, проклятик, рогатик, красавец хвостатый“ и проч. Если же так осторожно произносилось одно имя незримого врага из опасения, что он немедленно прибудет на зов и беды наделает, то каково приходилось старикам, когда тот же враг незримо или образно приставал к ним, становился поперек их дел и намерений, и когда необходимо было ограждать себя всюду и всегда?!..(Никифоровский, 1907: 8).

Поэтому в разговорной речи слово черт часто заменяли другими словами, это отражает и фразеология. В некоторых регионах вместо слова черт говорили кадук (кадук яго ведае). Синонимами также являются кадук не бярэ (каго); ліха не бярэ (каго).

3.1.6 Способность к превращениям

В белорусском фольклоре черт может превращаться в человека, чаще богатого – дворянина (бел. паніча), выбор объекта объясняется логичными соображениями: шляпа, перчатки и длинная богатая одежда позволяют спрятать рожки, когти и хвост. Но и в человеческом обличи черт относится к отрицательным образам.

Превращается черт в животных, чаще всего в козла. Во время грозы черт может превращаться в козленка и жалобно блеять.

“Сердобольный человек, возьмет его в полу и несет домой, чтобы отогреть. А черту только того и надо: с крещеной душой ему безопасней от грома, да и приятно заставить человека поднести себя. Чем дальше идет человек, тем козлик становится тяжелее. Человек изнемогая под тяжестью, еле дышит, а козлика жаль бросать – так он жалобно блеет. Но вот уже и дом. Тут козлик, выпрыгнув из полу, расхохочется диким голосом, сделает неприличие – и только его видели” (Богданович, 1895: 129).

Черт может превращаться в осла, и в этом обличи он любит подшучивать над простодушными. Предания говорят, что не переносит черт пьяных, поэтому поджидает их по дороге домой, и заведя в глухое место, оставляет там пьяного на всю ночь. Только перед пьяным человеком черт появляется в своем “натуральном” виде.

По белорусским преданиям, существуют и такие вещи и животные, в которые черт не может превратиться ни при каких условиях. Это коровы, овцы, петухи, дикие и домашние голуби, певчие птицы, за исключением иволги. Также не может черт перевоплотиться в вербу и травы конкретной местности, которые подлежали освящению.

3.1.7 Характеристика черта в белорусском фольклоре

Отрицательная характеристика черта сегодня является преобладающей.

Черт <...> принципиальный противник всего благого, это чистое олицетворение зла. <...> Если он и делает иногда будто бы добро, так это только в видах достижения большего зла. Он неотступно следит за человеком, норовит воспользоваться всякой возможностью, чтобы причинить ему вред, ввести его в грех, погубить его душу. Он внушает человеку дурные мысли и поступки. Он особенно силен и навязчив, когда воля человека слаба, сознание смутно, так например, когда человек пьян. Тогда черт смело выступает в борьбу с ним и не скрывается, и принимает свой настоящий вид. (Богданович, 1895: 128).

Черт вредит человеку в дороге, в лесу, его считают причиной разлада в семье. Любимое занятие черта, по представлениям белорусов, – запутать человека. Одно из значений – сбить путника с дороги, завести его в непроходимую чащу, болото, сбросить колесо (с телеги или другого средства передвижения). Второе – запутать мысли или дела человека. Оба значения отражают ФЕ *чорт паблытаў (каго)*; *чорт падбіў (каго)*.

У белорусовобраз черта неразрывно связан с древним миропониманием и базируется не только на языческих представлениях о взаимоотношении нечистой силы (*нечысць, нячысцік*) с человеком, но одновременно связан с природно-географическими локальными символами, сохранившимися до наших дней – глыбами, большими камнями (*валунамі – чортавымі камянямі*), которыми территория современной Беларуси оказалась усеянной в результате различных геологических процессов эпохи четвертичного ледникового периода (Ляўкоў, 1992: 11).

Представления о черте в белорусской мифологии тесно связаны с историей больших камней (валунов), достигающих шести метров в диаметре, и имеющих вес от нескольких десятков килограммов до нескольких тонн. Их история уходит в дохристианское прошлое Беларуси и является свидетельством веры человека в таинство, в помощь потустороннего мира, «общения» человека с представителями этого таинственного мира. Загадочных валунов на территории современной Беларуси много, с ними связано множество легенд, наделяющих валуны сверхнатуральными качествами. В древности камни считались одушевлёнными существами, верили, что у них было разное происхождение – одни были раньше ужами, другие змеями с человеческими чертами, владевшими человеческим языком. Камни-сапожники и камни-портные

легенды связывали с чертом, считалось, что под камнем живет черт и шьет людям обувь или одежду.

История *чертовых камней* связана с язычниками преданиями, бытовавшими на территории Беларуси вплоть до начала XX века, и привязанными к конкретным местам.

На юг от Сенно, между деревнями Расходно и Климовичи, на пригорке лежит большой камень. Его имя – Перун. По преданию, именно здесь Перун убил самого большого черта – предводителя всей нечистой братии. (Ляўкоў, 1997: 58 / Записано от Карпа Захаревича, 1870 г.р., д. Тимирязево / перевод).

Образ черта связан с образом Перуна по параметру противоположной маркированности и их вечного противоборства. Перун – положительный образ, свои удары направляет “более всего на черта” (Богданович, 1895: 76). Перун считался защитником крестьянина, а потому его имя часто использовалось в проклятиях (*каб цябе нярун забіў; каб яе нярун, гэтую хваробу*). Вера в то, что Перун охраняет от нечистой силы, была тесно связана с «магическими» предметами⁴, которые крестьяне находили при обработке своих полей. Их называли стрелами Перуна (*перуновы / грамавыя стрэлы*) и считали, что они охраняют от пожара, грозы, болезней и нечистой силы. Оппозицию Перун – черт подчеркивает ФЕ *і на чорта Нярун знойдзеца*.

3.2 Образ черта в чешской картине мира

Чешский черт, по фольклорным источникам, живет в аду / пекле. Его рожки обычно спрятаны в кучерявых волосах или под шляпой. Из пекла черт выходит для того, чтобы заполучить души грешников. Чешский черт – строгий формалист, он действует по принципу обоюдной выгоды – предлагает человеку то, что ему нужно, покупая взамен его душу. При покупке всегда обязательно подписание бумаги кровью. Подобное представление распространено и у белорусов.

Во избежание не произошло ошибки – чтобы вместо грешной души в ад не была принята невинная, души в пекле взвешивают, узнавая так количество их грехов.

В чешской традиции черт не является чисто отрицательным образом. В отличие от белорусского образа, в чешских сказках черт – создание глуповатое, дурашливое, неумное. Эти сказочные характеристики формируют у чехов

⁴остроконечные камни – каменные наконечники эпохи неолита.

представление о неярко выраженной озлобленности черта – наряду с негативными качествами, черт воспринимается как милое создание (например, чешская сказка “Принцесса из мельницы”).

Сравнивая характеристику черта в чешских ФЕ и его образ, созданный, вероятно позднее, благодаря обработкам народных сказок, отметим, что древние чехи воспринимали черта как создание умное, что отразилось в таких ФЕ как *je na čerta chytrá(y), je po čertech chytrá(y)* (умный как черт). О лукавом, коварном человеке говорили: *ji kouká z každého oka devět čertů a desátý lucifer; chodí k ní čert na radu; ta dvakrát do roka mluví s čertem; ta (ten) vybere čertovi mladé, kdyby na hnědě seděl*. Предчувствуя чей-то злой умысел, фальш, говорили: *z toho čuju čertovinu; takový pak čertův kvítek; smrdí čertovstvím/ čertovinou*. Желая предостеречь человека перед кем-то злым, говорили *jest to kvítek z čertovy zahrádky*, или *čert mu věř!* Людей многословных, игривых, остроумных, и гиперактивных детей, баловней обычно характеризуют ФЕ *je to čertův kluk / chláp; čertova ženská / žába / holka*.

К характеристикам чешского черта можно отнести безалаберность. Отправляясь за душой, черт обычно что-нибудь напортачит. Черт любит играть в карты, и случается, что проигрывает своей жертве. Но не все черти одинаковы. Также как в белорусской демонологии, чешские черти имеют свою иерархию, самая нижняя категория называется *plesniví čerti* (плесневые черти). Имя главного черта – Люцифер.

В чешских сказках черт часто наказывает плохих людей, а добрым дарит золото или волшебные вещи. Черт часто становится жертвой хитрых и умных людей, как например, в чешской народной сказке, которая была обработана Боженой Немцовой (1820-1862), и позднее дала импульс чешскому классику Антонину Дворжаку (1841-1904) для содания оперы „Čert a Káča“ (1899).

Данная сказка интересна тем, что уже с самого начала предлагает оппозицию черта на земле, причем – это «черт в юбке». Главная героиня сказки – Катя, старая дева, живет в деревне, имеет дом и сад, есть у нее золотые. Но, как говорит сказка, даже если бы она вся в золоте сидела, вряд ли бы даже самый бедный мужик захотел взять ее в жены. Была она *злая как черт (jako čert zlá)*, остра на язык. Каждое воскресенье в деревне были танцы, но Катю никто никогда не приглашал. Однажды, идя на танцы, она подумала: досадно, немолодая ведь уже, а ни разу с парнем не танцевала! Сегодня бы и с чертом потанцевала! Когда она разглядывала танцующие пары, в кабак зашел незнакомый господин в охотничьем костюме. Заказал пиво, и получив его, подошел к Кате и предложил ей выпить. Потом бросил волынщикудукат, и

приказал играть. Все расступились, а незнакомец пригласил Катю танцевать. Далее сказка развивает идею – что есть люди, от которых и черт не знает куда деться, имея в виду женщину.

По-видимому, исторически сложившееся представление чехов о черте – как создании незлобном, привело к тому, что и сегодня в национальной картине мира черт выполняет символическую и дидактическую функции. Об этом свидетельствует традиционный, повсеместно проводимый предрождественский обряд – шествие по улицам городов и деревень ангела, черта и Микулаша (аналог святого Николая). Эта “компания” хорошим детям приносит подарки, непослушным – черт приносит уголь.

Слово *čert* в устной речи и во фразеологии может заменяться другими лексемами, “смягчающими” или “усиливающими”, например: *psina* (собака), *kozel* (козел), *d'as* (ужас), *rarášek* (дьяволенок), *rarách* (бес), *drak* (дракон), *satan* (сатана), *d'ábel* (дьявол) и другими. Й. Кутилек отмечает, что вершиной “росчертения” является цифра 1000: ФЕ *zebe jako tisíc čertů* значит, что наступила настоящая зима. В чешском языке встречаемся с такими специфическими единицами, как *čertiti irozčertiti se*, в разговорной речи – *satoniti se* (усиленное значение *čertiti se*, значит – смотреть / относится (ко мне) как сатана (*Pro každé slovo hned se na mne tak satoní; jen mne rvát!*). Черные умыслы обозначаются ФЕ *čert mi to napískal*, или *čert mi to nahádal*. Жалоба на невезение звучит как *čert mě spleť; čert mě opálil; čert mě ošidil*.

В чешском языке используется сравнение человек – черт в случае, когда говорится о чем-то, к чему не лежит душа *jde jako čert*. Или *jako čert neradí* – использовали в случаях, когда идут что-нибудь одолжить, или должны что-то. С тайной и интригой ассоциируется в поведении человека шопот – *co je s šepetem, to je s čertem!*

Аллюзия черт – портной явно прослеживается во ФЕ *čert tebou šije; čert je v něm zašit* (о непоседливых, своевольных людях). О непоседливом ребенке говорят – *šijou s ním všichni čerti*.

О беспокойном сне говорили *spáti na čertově plachtě* (дословно – спать на чертовом парусе). Отплата за злой поступок также сравнивалась с чертовым парусом и “портновскими” способностями черта – *čert naň ušil plachtu*. Реакция на человеческую неблагодарность – *čiň čertu dobře, peklem se ti odslouží*.

ФЕ свидетельствуют о том, что черт охотится не только за душами, он также берет или прячет чужие вещи: *čert to vzal me za to nedále* (черт взял за что-то); *čert to někam zastrčil* (черт куда-то засунул).

Существует убеждение, что черт специально прячет вещи, чтобы человек при их поиске злился, ругался – принося так жертву дьяволу. Для некоторых это проверка крепости веры, если кто-то жалуется, что у него потерялась вещь, но была помечена, приговаривали, что помеченное и черт берет: *znamenáné také čert bere*. (Kutilek, 1911).

Также существовало поверье, что черт не любит отдавать взятое им, эта черта накладывалась во фразеологической картине и на человека с подобными склонностями – *jako čert nerad propouští; co čert lapí, nerad vrátí!*

Одно из первых известных противопоставлений черт – бог: *čert houby ví, co Pán Bůh dá!* (черт не знает, что бог даст).

Не очень приятного гостя или неожиданно встретившегося знакомого “приветливо” спрашивали *Kam tě sem čert nese?!* (бел.: *чорт гоніць (прыгнаў)* (каго?); *чэръі гоняць (прыгнали)* (каго?) – откуда (тебя) черт принес?

Chceš, aby tě čert snesl? – говорят неосторожному человеку, который невнимателен на труднопроходимой дороге. Покатые, каменистые склоны, а также заболоченные или поросшие репейником тропы, часто связывают с чертом, – будто бы там черт со своей матерью проходил – *tady čert svou mámu tahal za nohu*. Подобное выражение встречаем и в белорусском языке, оно касается как примарного значения – каких-либо препятствий на дороге, так и секундарной семантики – (1) трудности или невозможности разобраться в сложной ситуации, отношениях, невозможность решить проблему: *<сам> чорт (д’ябал) галаву скруціць (зломіць) <дзе, у чым> (син.: <сам> чорт нагу зломіць; сам чорт не разбярэ; чорт яго разбярэ)*; (2) беспорядок и неразбериха, в которой человек может причинить ущерб своему здоровью, покалечиться (син.: *як мамай прайшоў <дзе>*).

О любителе поесть чешская фразеология говорит, что он бы съел черта с рогами – *snědl čerta i s rohami* или *ty máš čerta sníst!*

Který čert v tom vězí? – риторический вопрос при неудаче; или констатация, что в неуспехе виноват черт – *čert by v tom musil být, aby to nešlo!*

Zase do tebe čert vlez a neví kudy ven? – говорят тому, кто искушает, устраивает подвохи. В случае, если “злодей” равный или меньше по возрасту, говорят: *vezmu-li hůl, já ho (čerta) z tebe vyženu*. Если речь идет о серьезном наказании, используется выражение *dám ti jednu, že ti jí ani čert neodškrábe*.

Считается, что все отрицательные качества человек получил от черта, поэтому и сами эти качества сравнивают с чертом, например, жадность: *třese se na krejcar jako čert na hříšnou duši!* (трясется над каждой копейкой, как черт над грешной душой). Однако встречаются и положительные характеристики, например, о силе человека: *síla měřivá se s čertem*, или храбрости: *nebojím se ani čerta; pral bych se s čertem!* Об очень сильном человеке говорят – *vytrhl by čertovi ocas!* (вырвал бы черту хвост).

В чешской фразеологии наблюдается двойственность отношения черта к обществу, о чем свидетельствуют такие ФЕ: *hoch miluje holky, a čert opět spolky* (парень любит девушек, а черт – сборища) и *spolky ani čert nechce* (группы / сборища даже черту не интересуют). Общеизвестно, что черт “работает” с одним человеком, и каждый человек отвечает сам за себя, поэтому можно высказать догадку, что в толпе / группе людей для понимания образа черта есть какой-то иной скрытый смысл.

О неприятном человеке говорят: *čert o něj nestojí a pánbůh ho nechce*, то же самое говорят, если человек долго болеет.

Основные действия черта обозначаются в чешском языке глаголами толкает, душит и скрипит: *nějaký čert mě tam (v botě) tlačí* (говорят когда жмет обувь, одежда).

Одной из самых употребимых чешских ФЕ до сегодняшнего дня является *malovat čerta na zed'* – наклеить беду, накаркать беду; *netaluj čerta na zed'* – не каркай!

Заклучение

При внешней схожести чешский и белорусский черт отличаются тем, что человеку они появляются в разных образах: чешский – как охотник (аналогия охоты на души), белорусский – в образе барина или козла. По-разному характеризуется место обитания черта. Чешский черт (в сказках) любит селиться на заброшенных мельницах. Белорусский черт не любит огонь, костер и кузнеца. По преданию, Перун метал в чертей огненные стрелы; согнем ассоциируется рассвет – грань, которую черту нельзя переступить.

Кузнец находится всегда рядом с огнем, огонь ему подвластен, поэтому для черта кузнец – противник. Следует отметить, что и по древним представлениям предков белорусов, кузнец был необычным человеком, владеющим особой силой – с помощью огня мог создавать вещи, а потому его иногда считали посредником нечистой силы, его «волшебная» работа «попахивала» дружбой чертом.

Я. Отченашек отмечает, что в то время как у западных славян черт как персонаж стал более забавным, и представляется обычно глупым, легко поддается на обман, его легко ввести в заблуждение, у восточных и южных славян черт гораздо опаснее и встречаться с ним вообще не рекомендуется (Otčenášek, 2003:1).

Для белорусов черт – отражение древнего мифологического сознания народа, в котором тесно переплелись язычницькие верования и христианские оценки. Для чехов – это образ в большей степени сказочный, наряду со своей неярко выраженной злобностью – как бы по чину положено, черт обладает положительными качествами.

В обоих языках ФЕ с компонентом черт встречаются довольно часто. Отличие языковых картин мира чехов и белорусов состоит в маркированности черта, в обеих культурах со временем изменяется его этическая роль. В современной картине мира белорусов черт имеет отрицательную характеристику. В то же время в чешской картине мира древнее представление о черте как злой бытости, сегодня в большой степени под воздействием сказок перешло если не к совсем положительной маркированности, то к какой-то снисходительно-одобрительной. Однако чешская фразеология сохраняет и реликты исторического негативного восприятия, где черт однозначно ассоциировался со злом, а зло присутствовало везде – *není toho kostelíčka, aby při něm čert svou kapličku neměl; s čerty nejsou žerty*! Как было отмечено, в древнем мирозерцании белорусов о черте было не только отрицательное, но и

положительное представление, черт был неразрывно связан с другим значимым символом Беларуси – камнем (валуном) и выполнял функцию загадочного сапожника или портного – шил людям одежду или обувь, черти также любили «воспитывать» пьяных.

Бібліяграфія:

Аксамітаў, А. Прыказкі і прымаўкі: тлумачальны слоўнік беларускіх прыказак і прымавак з архіваў, кафедральных збораў, рэдкіх выданняў XIX і XX стст. Мінск: Беларуская навука, 2000.

Богданович, А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белоруссов. Этнографический очерк. Гродна: Губернская Типография, 1895.

Демидович, П. П. Из области верований и сказаний белоруссов. Этнографическое обозрение. Москва 1897. С. 107-145. URL: https://ia600503.us.archive.org/18/items/eo_XXIX-XXX_1896/1896.29-30.pdf

Іванова, С. Ф., Іваноў, Я. Я. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў. Мінск: Беларускі Фонд Сораса, 1997.

Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў: У 2 ч. Мінск: Народная асвета, 1981-1993.

Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. Менск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 1993.

Лепешаў, І. Я. У фразеалагічную скарбонку. Гродна: ГрДУ, 2004.

Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2008.

Лойка, Г. Нам патрэбны помнік Быкаву, а не карове. Наша ніва, 17.03.2015

Ляўкоў, Э. Я. Маўклівыя сведкі мінуўшчыны. Мінск: Навука і тэхніка, 1992.

Национальный корпус чешского языка (НКЧЯ). URL: <http://ucnk.ff.cuni.cz/index.php>

Никифоровский К. Я. Нечистики. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. Вильна: Н. МАЦЬ и К, 1907.

Чыгрын, С. Язык у роце, як чорт у балоце Газета Слонімска, 4.03.2016

Янкоўскі, Ф.М. Беларуская фразеалогія. Мінск: Народная асвета, 1981.

Этнаграфія Беларусі. Энцыклапедыя. Мінск: Беларуская савецкая энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 1989.

Němcová, B. Čert a Káča. URL: <http://www.cist.cz/Pohadky/cert.htm>

Otčenášek, J. Postavy v lidové slovesnosti slovanských národů. Navychod.cz, č. 6/2003. URL: <http://www.navychod.cz/articles.php?id=fffd28f0-8e1f-11df-aa30-00304830bcc4>

Kutilek, J. Čert v řeči lidu českého. Český lid. XX. Ročník. Praha, 1911, s. 227-228.

Čelakovský, F. L. Mudrosloví národuslovanského přísloví. Praha, 1852.

Čermák, F., Hronek, J., Machač, J. Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přirovnání. Praha: Academia, 1983.

Čermák, F., Hronek, J., Machač, J. Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy neslovesné. Praha: Academia, 1982.

Čermák, F., Hronek, J., Machač, J. Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné A - P. Praha: Academia, 1983.

Čermák, F., Hronek, J., Machač, J. Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné R - Z. Praha: Academia, 1983.

Zaorálek, Ja. Lidová rčení. 2. opravené vydání. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1963.

Aksamitaŭ, A. Prykazki i prymaŭki: tłumachal'ny sloŭnik belaruskich prykazak i prymavak z arhivaŭ, kafedral'nyh zboraŭ, redkih vydannjaŭ XIX i XX stst. Minsk: Belaruskaja navuka, 2000.

Bogdanovich, A. E. Perezhitki drevnego mirosozercanija u belorussov. Etnograficheskij ocherk. Grodna: Gubernskaja Tipografija, 1895.

Demidovich, P. P. Iz oblasti verovanij i skazanij belorussov. Etnograficheskoe obozrenie. Moskva 1897. S. 107-145.

Ivanova, S. F., Ivanoŭ, Ja. Ja. Sloŭnik belaruskich prykazak, prymavak i krylatyh vyrazaŭ. Minsk: Belaruskij Fond Sorasa, 1997.

Lepeshaŭ, I. Ja. Etymalahichny sloŭnik frazealagizmaŭ: u 2 t. Minsk: Narodnaja asveta, 1981-1993.

Lepeshaŭ, I. Ja. Frazealahichny sloŭnik belaruskaj movy. Minsk: Belaruskaja encyklapjedyja imja Petrusja Broŭki, 1993.

Lepeshaŭ, I. Ja. U frazealahichnuju skarbonku. Grodna: GrDU, 2004.

Lepeshaŭ, I. Ja. Sloŭnik frazealahizmaŭ: u 2 t. Minsk: Belaruskaja encykłapjedyja imja Patrusja Broŭki, 2008.

Lojka, G. Nam patrebny pomnik Bykavu, a ne karove. *Nasha niva*, 17. 03. 2015.

Ljaŭkoŭ, Je. Ja. Maŭklivyya svedki minuŭshchyny. Minsk: Navuka i tehnika, 1992.

Mjacel'skaja, Je. S., Kamaroŭski, Ja. M. Sloŭnik belaruskaj narodnaj frazealogii. Minsk, BDU imja U. I. Lenina, 1972.

Nacional'nyj korpus cheshskogo jazyka (ČNK). URL: <http://ucnk.ff.cuni.cz/index.php>

Nikiforovskij K. Ja. Nechistiki. Svod prostonarodnyh v Vitebskoj Belorussii skazanij o nechistoj sile. Vil'na: N. MAC i K, 1907.

Chygryn, S. Jazyk u roce, jak chort u baloce. *Gazeta Slonimsкая*, 4.03.2016.

Jankoŭski, F. M. Belaruskaja frazealohija. Minsk: Narodnaja asveta, 1981.

Etnagrafija Belarusi. Encykłapjedyja. Minsk: Belaruskaja saveckaja encykłapjedyja imja Pjatrusja Broŭki, 1989.

Němcová, B. Čert a Káča. URL: <http://www.cist.cz/Pohadky/cert.htm>

Otčenášek, J. Postavy v lidové slovesnosti slovanských národů. *Navychod.cz*, č. 6/2003. URL: <http://www.navychod.cz/articles.php?id=fffd28f0-8e1f-11df-aa30-00304830bcc4>

Kutilek, J. Čert v řeči lidu českého. *Český lid*. XX. Ročník. Praha 1911, s. 227-228.

Čelakovský, F. L. Mudroslovíí národuslovanskéhov příslovích. Praha, 1852.

Čermák, F., Hronek, J., Machač, J. Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přírovnání. Praha: Academia, 1983.

Čermák, F., Hronek, J., Machač, J. Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy neslovesné. Praha: Academia, 1982.

Čermák, F., Hronek, J., Machač, J. Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné A – P. Praha: Academia, 1983.

Čermák, F., Hronek, J., Machač, J. Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné R – Z. Praha: Academia, 1983.

Zaorálek, Ja. Lidová rčení. 2. opravené vydání. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1963.